

ЗАЩИЩАЯ ОШТУ, ЗАЩИЩАЛИ ЛЕНИНГРАД

Краткий военно-исторический очерк об Оштинской обороне

Т. О. Спивак

Время все дальше отодвигает от нас события 1941 — 1945 гг. Уже подрастает поколение, которое весьма смутно представляет себе, что такое — Великая Отечественная война и какой ценой заплачено за победу над немецким фашизмом. И уж только узкие специалисты знают, что такое — план «Барбаросса» и как он разрабатывался. А между тем, именно в этом плане (одном из трех вариантов войны против СССР, предложенных Гитлеру еще в 1940 году, вскоре после разгрома Франции) нашли свое отражение идеи нацистского фюрера о завоевании «жизненного пространства»¹, о мировом господстве². Именно этот план предопределил действия немецких вооруженных сил летом и осенью 1941 года, в нем же была представлена в полном объеме «техника обезлюживания» для уничтожения целых народов, населяющих завоеванное жизненное пространство.

Ближайшая стратегическая цель, которую ставил Гитлер и его военное окружение в войне с СССР, — это «...создание защитного барьера против азиатской России по общей линии Волга — Архангельск»,³ то есть захват практически всей европейской части Союза. Главные удары предполагалось наносить по трем направлениям: Ленинград,

Москва (Центральный промышленный район) и Донецкий бассейн.

Суть своей стратегической доктрины в войне с Советским Союзом Гитлер сформулировал еще в июле 1940 года: «Чем быстрее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком»⁴.

Итак — молниеносная война. Гитлеровское командование было настолько уверено в успешном осуществлении плана «Барбаросса», что, еще не вступив в войну с Советским Союзом, примерно с весны 1941 года приступило к детальной разработке дальнейших замыслов завоевания мирового господства. А 30 июня 1941 года был уже завершён окончательный вариант «директивы 32», которая являла собой план операций осени 1941 и зимы 1941—1942 гг. по захвату Ирана, Ирака, Египта и других стран Ближнего и Среднего Востока, Африки и даже Индии⁵.

Первые недели войны действительно принесли успех фашистам. На отдельных участках фронта они сумели продвинуться на 500—600 километров в глубь нашей территории. Это вызвало у них такую эйфорию, что начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер 3 июля записал в своем служебном дневнике: «...не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней. Конечно, она еще не закончена. Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника, использующего все средства, будут сковывать наши силы еще в течение многих недель»⁶. День спустя ему вторил Гитлер: «Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить»⁷.

Уверовав в молниеносный «разгром» русских, фашистское командование, тем не менее, требует от своих са-

теллитов — Венгрии, Италии, Словакии, Испании, Норвегии и Финляндии* — немедленного усиления военной помощи. Однако финский фельдмаршал Маннергейм не спешил с началом военных действий. Пришлось Генеральному штабу сухопутных войск вермахта 8 июля направлять в Хельсинки приказ, который уже в категорической форме предписывал немедленное наступление. И 10 июля Гальдер фиксирует в дневнике: «Финны наступают»⁸. Следует заметить, что свои планы по захвату Ленинграда гитлеровская военщина напрямую связывала с действиями финских войск. Об этом свидетельствуют не только записи в гальдеровском дневнике, но и послевоенные признания немецких генералов, в частности, генерал-полковника Г. Гудериана. Да, да, того самого «железного» Гудериана, танки которого осенью сорок первого стояли на подступах к Москве. В своей работе «Опыт войны с Россией» он пишет: «...левая группа армий под командованием генерал-фельдмаршала Лееба получила задачу овладеть Ленинградом (Петербургом), установить связь с дружественными немцам финнами, наладить снабжение левого фланга армий по Балтийскому морю и этим полностью обеспечить левое крыло восточного фронта». На следующей странице этой же работы читаем: «Единственным облегчением для такой континентальной державы, как Германия, в начале войны могли быть захват Ленинграда и установление связи с финнами, то есть охват северного крыла русских и, следовательно, выход в тыл всему русскому фронту»⁹.

Однако в июне и августе финны так и не развернули на Межозерном участке фронта полномасштабные наступления. То ли барон Маннергейм осторожничал, памятуя уроки сорокового года, то ли сумел кое-что разве-

---

*В данной статье речь пойдет о действиях только финских войск, поскольку именно они противостояли нашим частям в полосе Оштинской обороны.

дать о подлинных замыслах немецкого командования*. Так или иначе, но его войска продвигались здесь намного медленнее, чем этого хотелось немцам. И только когда 8 сентября прорывом на Шлиссельбург немецким войскам удалось заблокировать Ленинград с суши, финская армия резко активизировалась. Если в начале наступления на Ладожско-Онежском перешейке действовали четыре финские дивизии и три бригады, то в сентябре Маннергейм сосредоточил здесь девять дивизий и пять бригад. Противостоявшая им здесь 7-я Отдельная армия располагала всего лишь четырьмя стрелковыми дивизиями, одной дивизией народного ополчения и двумя отрядами из нескольких полков¹⁰. Эти силы, не имея к тому же настоящей артиллерийской и авиационной поддержки, естественно, не могли сдерживать все усиливающийся натиск противника, который наносил удары в двух направлениях: юго-западном, где, форсировав Свирь, он намеревался соединиться с немцами, и юго-восточном, чтобы обойти южную оконечность Онежского озера, выйти к Мариинской водной системе и углубиться на территорию Вологодской области.

Оказывая врагу жесточайшее сопротивление¹¹, подразделения 7-й Отдельной армии, тем не менее, километр за километром отступали. Положение становилось все более угрожающим для Ленинграда, поскольку, соединившись с рвавшимися теперь к Тихвину немцами, финны замкнули бы второе кольцо блокады и наземная связь с героическими защитниками города на Неве прекратилась бы. Обеспечить город всем жизненно необходимым только с помощью авиации было бы невозможно...

---

*Спустя менее месяца после нападения на СССР Гитлер на одном из секретных совещаний заявил: «Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду большой добычи никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии... На Ленинградскую область претендуют финны. Сровнять Ленинград с землей, чтобы отдать его финнам». См. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. М.: ГИЮЛ. 1955. С. 269. ❄

17 сентября Верховный главнокомандующий И. В. Сталин приказал вступавшему в командование 7-й Отдельной армией К. А. Мерецкову «любым способом финнов остановить»¹². Однако в это время ни замена командующего, ни отчаянное сопротивление наших войск не могли уже существенно изменить положение на этом участке фронта. Требовалось подкрепление как в живой силе, так и в огневых средствах. Ставка же в этот момент ничем помочь не могла. Поэтому финнам удалось форсировать Свирь в среднем ее течении и на левом берегу захватить плацдарм от Подпорожья до Булаевской. 2 октября пал Петрозаводск. Противник, не задерживаясь, устремился к истоку Свири, артиллерийским огнем поджег поселок Вознесенье, форсировал реку и, обходя Онежское озеро, вышел в районе Ошты к границе Вологодской области.

* * *

...Ночь на седьмое октября выдалась особенно ненастной. Сеял частый холодный дождь. В кабинете второго секретаря Оштинского райкома партии А. Е. Ершова собрались командиры подразделений местного истребительного батальона. Тускло горела керосиновая лампа, бросая черные тени на суровые лица людей.

— Обстановка сложная, — говорит Ершов. — Наши войска оставили Вознесенье.

Люди слушают молча. В последние сутки они со все возрастающей тревогой следили за тем, что происходило в этом поселке. Он хоть и Ленинградской области, да от Ошты всего в семнадцати километрах. Слухи доходили самые противоречивые, но огненное зарево над поселком да артиллерийская канонада подтверждали: финны наседают. Но как бы человек ни готовил себя к худшему, сообщение о нем всегда леденит душу. И Ершов понимал, что его слова камнем ложатся на сердца присутствующих. Он обвел их взглядом. Еще несколько часов назад

это были совсем штатские, правда, до смерти уставшие районные и сельские руководители, агрономы, зоотехники, учителя. По десятку раз на день они заходили к нему в кабинет, старались поскорее решить все вопросы и торопливо, не прощаясь, уходили. Вопросы были все больше об эвакуации. В первую очередь отправили ленинградцев и жителей Карелии. За два месяца их прибыло в район около трех тысяч. В июле и августе затерявшаяся среди дремучих лесов да топких болот Ошты казалась таким надежным тылом, что прибывавшие сюда эвакуированные чувствовали себя в полной безопасности. Получив кров, устраивались на работу, как-то налаживали свой быт. И вот этим только-только успокоившимся от всего пережитого людям пришлось снова отправляться в неведомое.

Предстояло эвакуировать и свое население, хотя бы из нескольких сельсоветов. Но на это, как видно, времени уже не осталось. Приходится браться за оружие.

— В каком направлении отступили наши войска, неизвестно, — после напряженной паузы продолжал Ершов. — Установить с ними связь не удалось. Возможно, что впереди у нас нет никакого заслона. Это даст возможность врагу, несмотря на распутицу, двигаться до Ошты без остановок. Во всяком случае первые группы его разведчиков могут появиться здесь уже сегодня ночью. Мы должны быть готовы к встрече с ними. Выступаем через час.

Решено было продвигаться двумя отрядами. Первый повел комиссар батальона А. Е. Ершов в направлении деревни Коромыслово. Именно здесь можно было ждать неприятельский авангард, поскольку деревня стоит на развилке дорог и отсюда до Вознесенья ближе всего. Однако расчет Ершова не оправдался. С неприятелем этой ночью встретились бойцы второго отряда, которых заместитель командира батальона Е. А. Беззаботин вел в северо-вос-

точном направлении, к деревне Симаново. Предусмотрительно выслали вперед разведку, а сами в ожидании ее остановились. Вернувшиеся разведчики сообщили, что в деревне шюцкоровцы*. Сколько их, сказать трудно. Темно. Местное население, похоже, успело уйти. Русской речи нигде не слышно. А враг, по всем признакам, устраивался на ночлег.

«Эх, хоть бы один пулемет! — подумал Беззаботин и с силой сжал ложу трехлинейки. — Показали бы мы им завтра ночлег».

И все же он решил вступить в бой. И не завтра, а сегодня. Отряд снова двинулся вперед.

Второй раз остановились, когда впереди замелькали огни. Ветер доносил обрывки чужой речи. Видно, шюцкоровцы, не обнаружив жителей, без всякой опаски шныряли по дворам, забирая все, что хозяева не сумели унести с собой или надежно спрятать. На каком-то дворе кудахтала перепуганная хохлатка, где-то надрывалась дворняжка.

Отряд замер. По цепочке передается шенотом: собрать все имеющиеся в отряде бутылки с зажигательной смесью и передать в голову колонны. Пятеро бойцов уходят в темноту.

Почти одновременно в разных местах вспыхнули яркие мощные огни. А следом ночную тишину разорвали отчаянные крики, брань, звон стекла, выстрелы.

— Стрелять только по видимым целям, — кричит Беззаботин и бежит к деревне. Отряд устремляется за ним.

Беспорядочно отстреливаясь, шюцкоровцы отступили в лес. Преследовать их ночью не было смысла, и бойцы остались в деревне.

Разведка первого отряда, шедшего к Коромыслово, не обнаружила в деревне ни своих, ни врагов. Пока Ершов размышлял, что предпринять дальше, справа, на значительном отдалении послышалась частая перестрелка. Осторож-

---

*Так во время войны называли финских фашистов.

но двинулись в сторону боя и вскоре встретились с ротой красноармейцев. Финны, натолкнувшись на сопротивление, рассредоточились в ближайшем лесу и прекратили стрельбу. И Ершов смог спокойно выяснить обстановку.

Заслоном от наступающего неприятеля в районе Коромыслово до обводного Онежского канала оказался 74-й отдельный разведбатальон*.

Это подразделение было сформировано еще в конце сентября из бойцов 71-й стрелковой дивизии, входившей в состав 7-й Отдельной армии. Батальон был направлен в район Вознесенья для прикрытия поселка и истоков Свири. Однако сдержать здесь финнов своими силами батальон был не в состоянии. С боями он начал отходить к Оште, где по замыслу командарма-7 К. А. Мерецкова должен был закрепиться правый фланг обороны.

И Ершову, и командиру батальона капитану Ромонову было очевидно, что противник постарается любой ценой завладеть Коромысловым. Деревня на возвышенности. А главное — на развилке важнейших межобластных дорог. Оседлать эти дороги — значило стать хозяином положения. Отсюда пойма реки Ошты как на ладони. Значит утром надо ждать новых атак.

Подсчитали силы. Две мотороты и рота броневичков, до двух взводов, вышедших с боями из-под Шелтозера и Ладвы, которые Ромонов как старший по званию подчинил себе. Плюс истребительный батальон, состоящий из сотни штатских, почти безоружных людей. Небогато для прикрытия участка фронта в добрый десяток километров.

Прибывшие от Беззаботина связные сообщили о столкновении с финнами в Симаново.

— Обошли с северо-востока, — стиснув зубы, чтобы не выругаться, процедил капитан. — И неизвестно, сколько их там.

Лучом карманного фонарика он осветил карту.

---

*В дальнейшем 74-й ОРБ.

— Придется растягиваться до самого Симаново. На рассвете надо так рассредоточиться, чтобы в случае необходимости немедленно прийти на помощь соседу. На лобовой штурм по всему фронту они завтра еще не отважатся. Сначала попытаются прощупать, где наиболее слабое место, там и сконцентрируют силы для главного удара.

Последующие два дня прошли в непрерывных боях. Отдельные подразделения, как и предполагал Ромонов, вынуждены были менять позиции по несколько раз в день. К концу вторых суток этих боев было уже ясно, что имеющимися силами натиска финнов, наступающих на этом участке свежей полнокровной дивизией, не сдержать. И кто знает, как бы развернулись события, если б не подошла на оштинский рубеж 272-я стрелковая дивизия. Первые два ее батальона 9 октября прямо с марша вступили в бой. 74-й ОРБ был переподчинен штабу дивизии. Большая часть истребительного батальона была передислоцирована на левый фланг, к деревням Мироново и Копово. Остальным бойцам (в основном — руководителям района) командование дивизии предложило организовать эвакуацию населения пяти прифронтовых сельсоветов.

Так начинается Оштинская оборона.

* * *

Что же это такое — Оштинская оборона? В физическом измерении — это участок фронта протяженностью в два с лишним десятка километров. Естественно, в сравнении с такими битвами, как Московская, Сталинградская или Курская, с обороной Брестской крепости, Севастополя или Ленинграда, девятьсот девяносто дней Оштинской обороны, где и бои-то велись только «местного значения», могут показаться весьма незначительными. Но в войне, какой бы длительной или быстротечной она ни была, второстепенного ничего не бывает. Все работает на Победу, цена которой — человеческие жизни. И если мы взглянем на

историю Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. как на единое целое, то сразу высвечивается значение и этого малого кусочка земли Вологодской, столь обильно политого солдатской кровью осенью сорок первого и весной сорок второго.

Свое боевое крещение 272-я стрелковая дивизия приняла еще в августе в Карелии. Весь сентябрь она вела тяжелейшие бои за Петрозаводск. Когда 2 октября Петрозаводск пал, два полка дивизии (1063-й и 1065-й) и все приданные ей спецподразделения были отведены в Кондопогу и оттуда на баржах переправлены на восточный берег Онежского озера, в устье реки Водла. Стокилометровый путь до Вытегры полки преодолели пешим порядком по непроходимым из-за распутицы проселочным дорогам.

1061-й стрелковый полк и 815-й артиллерийский, входившие в дивизию, командарм-7, направляясь в район волховско-тихвинских боев, взял с собой в качестве своего резерва.

Измотанная трудными боями в Карелии, да еще в половинном составе, без огневой поддержки, дивизия и на Оштинском рубеже не имела ни единого дня на отдых или обустройство. Прямо с колес (в Вытегре батальоны погрузились в выделенный им районом автотранспорт) 9 октября она вступила в соприкосновение с противником и до конца месяца вела здесь не менее кровопролитные бои. Вот несколько коротких выдержек из боевых донесений тех дней.

11.10. Тяжелые бои в районе деревни Левино.

12.10. Усиленные бои по всему фронту: от Вожероксы до отметки 128,8. Враг пытается мелкими группами просочиться через наш передний край.

16.10. Ночью отбиты две атаки у Коромыслово. На левом фланге противник пытался навести переправу через Ошту¹³.

17 октября в дивизию поступил приказ о предстоящем наступлении. Оно диктовалось той обстановкой, которая складывалась на Волховско-Тихвинском участке фронта. Здесь 16 октября немецкие дивизии группы армий «Север» перешли в наступление. Основной удар противник наносил на Грузино, Бугодошь, Тихвин, вспомогательный (с целью сковать часть сил русской армии) — на Малую Вишеру. Одновременно и финнам надлежало активизировать свое наступление навстречу немецким войскам. В это время гитлеровское командование все еще лелеяло надежду соединиться с финнами и создать второе кольцо блокады вокруг Ленинграда.

Не дать возможности Маннергейму перегруппировать свои войска и прийти на помощь немцам в Тихвине — такова была задача частей, противостоявших финнам на всем участке от Ошты до Лодейного Поля. В приказе, поступившем в 272-ю дивизию, говорилось: «Сковать резервы противника. Не дать им перегруппироваться в направлении Бараны — оз. Юковское»¹⁴.

Решая общearмейскую задачу, командование 272-й дивизии решило поставить перед своими частями и ряд мелких задач, в частности, по улучшению своих позиций. Уже в первый день наступления удалось выбить противника из деревень Поздняково, Залесье, Гневашево. Но не на всех участках продвижение развивалось столь успешно.

* * *

Он не успел даже по-настоящему стряхнуть с себя дорожную пыль. Он очень спешил, этот высокий, плотный, уже изрядно поседевший человек. Шел быстрым, широким шагом солдата. У самой деревни остановился, перевел дыхание и попытался утихомирить бешено колотившееся сердце.

Осмотрелся, ища глазами запомнившиеся когда-то приметы, и не находил их.

В памяти поразительно четко, до мельчайших подробностей вдруг высветились забытые, как ему казалось, картины...

Вечером во всех подразделениях зачитали приказ о наступлении. Утром следующего дня двум ротам — 7-й и 8-й — 1065-го полка предстояло выбить шюцкоровцев из деревни Симаново. Главный удар наносила седьмая рота Бондарчука. Буханец со своими бойцами должен был отвлечь внимание противника на себя и тем самым облегчить положение соседей.

Атака следовала за атакой. Наконец Бондарчуку все же удалось вброд перейти Ошту и вытеснить противника из крайних изб. А людей Буханца финны отсекали мощным артиллерийским и минометным огнем. Младший лейтенант понимал, как трудно держаться прорвавшейся горстке людей там, в Симаново. Ведь это только в сводках пишется — рота. А в действительности — едва взвод считается. У него, например, всего немногим более тридцати штыков. Вот и вся рота. И поднять эти тридцать человек в лобовую атаку — значит бесцельно их погубить. Боевая задача все равно выполнена не будет.

В перерывах между телефонными «распекаями» командира полка, требовавшего немедленной атаки, он думал над тем, как все-таки перехитрить шюцкоровцев и выполнить приказ. С наступлением темноты боевые действия с обеих сторон прекратились. А что, если попробовать ночью? Естественно, сначала выяснив обстановку. Она оказалась на удивление благоприятной: финны на ночь отвели основные силы к лесу, оставив в деревне только небольшое охранение. Этим он и воспользуется. Ждать, пока саперы разминируют проходы, некогда. Придется это сделать самому.

К пяти часам утра вся его рота была на подступах к Симаново. С неприятельским охранением расправились быстро и без потерь. Еще не улеглось волнение от только что закончившейся схватки, как к нему подбежал боец.

— Товарищ младший лейтенант, там в сарае...

Буханец побежал за бойцом. В сарае он увидел окровавленные, растерзанные тела лейтенанта Бондарчука и его бойцов. Они были так изуродованы, что их трудно было узнать.

— Похороним вечером, а сейчас надо спешить занять позиции к бою. С рассветом тут такое начнется...

Рота рассредоточилась во вражеских траншеях, которыми была окольцована деревня, приготовились к обороне. И вовремя. Финны не стали ждать рассвета. Обеспокоенные перестрелкой, они выслали разведку, а затем открыли по деревне минометный огонь.

Когда наступил день, шюцкоровцы поднялись уже в четвертую атаку. Не помог им и огонь крупнокалиберной артиллерии, под завесой которого они ринулись к своим траншеям. Бойцы подпускали их на самое близкое расстояние и расстреливали в упор. Вернуть Симаново им так и не удалось.

Вечером похоронили Бондарчука, его солдат и двух своих товарищей, погибших утром. Похоронили у ближайшего от сарая дома...

И вот теперь, почти тридцать лет спустя, Игнатий Емельянович искал этот дом и не мог найти. Он уже понял, что перед ним новая деревня, что никогда уже он не найдет этой братской могилы, но все стоял и смотрел на дома, на убегающий к горизонту молодой лесок, и вспоминал бесконечно длинную череду тех трудных дней сорок первого.

Вот он, совсем молодой, безусый младший лейтенант, должен поднять бойцов в атаку. И он поднимал их. Не единожды. И в октябре, и потом в декабре. В январе сорок второго он вел взвод на связь с соседней дивизией. Помогли они тогда 763 полку выбраться их окружения и вернуться к своим. В апреле сорок второго года тоже трудные бои были. Потом сорок четвертый, сорок пя-

тый... И, наконец, долгожданный День Победы... Много, ох, как много пройдено военных дорог. А он стоит здесь и вспоминает октябрьские дни сорок первого...

* * *

Если Симаново и ряд других населенных пунктов удалось в ходе октябрьских боев очистить от противника и тем самым значительно улучшить свои позиции, то таким важным стратегическим пунктом, как Левино, овладеть не удалось. А высоты 128,8 и 113,8 в ходе тех боев, продолжавшихся более десяти дней, несколько раз переходили из рук в руки, но в итоге отметка 113,8 так и осталась у неприятеля. Пройдет немногим более месяца, и эта высота снова станет местом жесточайших боев.

И тем не менее, свою основную задачу — сковать резервы противника — дивизия выполнила. Уже в ночь после первого дня наступления разведка установила: из Баран на Левино противник перебросил 200 автоматчиков. А в ночь на 21-е в район Левино прибыло еще большее подкрепление — до батальона пехоты¹⁵. Так что финнам было не до помощи наступающим под Тихвином немцам: самим бы удержаться на занимаемых позициях.

Но и защитникам оштинских рубежей эти октябрьские бои дорого стоили. Чтобы ввести противника в заблуждение по поводу истинного положения с человеческими ресурсами, командование дивизии отдало приказ: в ночь на 30 октября провести на дороге Ошта — МТС демонстративное движение автотранспорта, которое должно было имитировать переброску подкрепления. Машины двигались с зажженными фарами. Противник открыл по этой дороге интенсивный артиллерийский огонь, продолжавшийся полтора часа¹⁶.

В действительности же подразделения дивизии были совершенно обескровлены. Так, в результате непрерывных боев в ротах 1065-го полка осталось по 12 — 15 человек, почти не осталось командного состава. И этими сила-

ми полк должен был прикрывать участок обороны в несколько километров.

В 74-м ОРБ за дни боев осталось около 150 человек. А ему приходилось не только охранять большой участок, притом наиболее беспокойный участок обороны, но и вести глубинную разведку тылов противника.

В другой обстановке такую обескровленную дивизию просто вывели бы с фронта на переформирование. Здесь же в октябрьские и ноябрьские дни об этом не могло быть и речи. Поэтому в донесении штаба дивизии от 3 ноября говорится: «Требуется срочное пополнение людьми не менее 3—4 тысяч человек и почти 80% командного состава полков. Срочно необходим хотя бы один артиллерийский дивизион. С 1.11 противник заметно активизируется, ведя интенсивный артиллерийский и минометный огонь и активную разведку боем»¹⁷.

Два дня спустя в Алеховщину, где в это время находился штаб армии, направляется телеграмма: «Матейшин* просит доложить т. Орлеанскому, чтобы партия 1000 человек, находящаяся в настоящее время в Череповце, была бы немедленно направлена в район Вытегра—Ошта. Это пополнение нужно немедленно направить к нам. Кроме того, в Вытегре имеется еще 1000 человек. Обстановка требует, чтобы они были приданы дивизии»¹⁸.

Однако пополнение дивизия получит значительно позже, а пока на помощь защитникам оштинских рубежей пришла авиация: в течение 5 и 6 октября и днем, и ночью наносились бомбовые удары по позициям противника.

7 ноября фашисты захватили Тихвин. Для Ленинграда наступили очень трудные, если не сказать — катастрофические, — дни. Несмотря на то, что кольцо блокады и не было замкнуто наглухо, перерезанной оказалась единственная железная дорога, по которой осуществлялась перевозка грузов из Вологды к юго-восточному берегу

---

*Заместитель начальника штаба 272-й дивизии.

Ладожского озера, где их перемещали на суда и уже водным путем доставляли в Ленинград.

«Теперь Ленинград должен будет сдаться без пролития крови немецких солдат», — пророчествовали фашистские газеты. 8 ноября Гитлер, выступая в Мюнхене на традиционном собрании нацистов, заявил: «Ленинград сам поднимет руки: он неминуемо падет, раньше или позже. Никто оттуда не освободится, никто не прорвется через наши линии. Ленинграду суждено умереть голодной смертью».¹⁹

Ликовали и финны. 8 ноября вместо обычного артиллерийского обстрела они устроили радиотрансляцию по всей своей передовой. «Что, русские, плохи ваши дела? — неслось над окопами 272-й дивизии. — Теперь Ленинград сам упадет к ногам немецкой армии»²⁰. Сами же они в эти дни никаких наступательных действий не предпринимали. Затаились, выжидая, как будут развиваться события дальше. Сумеют немецкие войска удержать Тихвин и развернуть наступление дальше на север, можно будет, собрав резервы, выступить им навстречу. Не сумеют — финская армия ничего не теряет, оставаясь на своих позициях.

С началом ноября активные действия на Оштинском рубеже с обеих сторон прекратились. Но и полное затишье не наступило. Финны повели методический артиллерийский обстрел отдельных деревень и укрепленных пунктов 272-й дивизии. Несколько дней кряду они обстреливали фугасами Коромыслово и Андреево, стараясь вызвать пожары. Активно действовала как с той, так и с другой стороны разведка.

22 ноября дивизия получила, наконец, долгожданное пополнение — 2270 человек²¹. Это были люди старших возрастов, в основном — жители Вологодской области. Боевое крещение имели лишь немногие молодые сибиряки и украинцы, выписанные из госпиталей. Шюцкоровцы повторили психическую атаку. «Плохи ваши дела, рус-

ские, — оглушительно изрыгали мощнейшие радиотрансляторы, — если уже старики пришли воевать... Сдавайтесь! Всем, кто сдастся добровольно, гарантируем жизнь!»²² «Старики» грозились показать им «кузькину мать» и с нетерпением ждали наступления. Когда 5 декабря в дивизию прибыли от соседей (114-й дивизии) три артиллерийские батареи, одна из которых была противотанковой, и поступило автоматическое оружие, стало очевидно: ждать наступления придется совсем недолго. Разместили по позициям пушки, в каждом полку сформировали по роте автоматчиков, отбирая в эти роты самых лучших стрелков, провели учения со вновь прибывшим командным составом, а солдаты — ветераны дивизии — знакомили новичков с особенностями боев в лесисто-болотистой местности, на которые финны были великие мастера. Любой их лесной завал мог соперничать с долговременными оборонительными сооружениями, возводимыми из железа и бетона.

Четвертая армия, которую тоже принял под свое командование К. А. Мерецков, вела упорные и небезуспешные бои за Тихвин. 3 декабря начала наступление 54-я армия Ленинградского фронта. Ожесточенные бои шли в районе Медвежьегорска. В этой обстановке войскам 7-й Отдельной армии была поставлена задача: своими действиями опять сковать все стоящие перед ее фронтом силы противника, чтобы не дать ему часть из них перебросить в районы активных боев. А такая угроза существовала по-прежнему, поскольку гитлеровское командование никак не хотело расстаться с идеей соединения с финнами. 6 декабря, когда было уже совершенно ясно, что Тихвин со дня на день будет освобожден и будет восстановлено движение по железной дороге Вологда — Тихвин и далее к Новой Ладогe, Гальдер записывает в своем дневнике: «Соединение с финнами — задача, которая должна быть выполнена в течение этой зимы»²³.

7 декабря Тихвин был освобожден. А 15 декабря части 7-й Отдельной армии перешли в наступление. Насколько трудными были эти декабрьские бои для 272-й дивизии, свидетельствуют донесения, оперативные сводки и воспоминания ветеранов. В один из дней первый и второй батальоны 1065-го полка пять раз поднимались в атаку на передний край противника²⁴. «Только за два дня боев — 15 и 16 декабря — потери 1065-го полка составили — 70 человек убитыми и 145 ранеными»²⁵. «...Санинструктор 1 ср* 1065 полка Харитонов в боях 15—20 декабря 1941 года показал образцы храбрости и мужества. Под градом вражеских пуль и минометным огнем он вынес 38 раненых бойцов и командиров с боевым оружием. Тов. Харитонов представлен к правительственной награде»²⁶.

* * *

...Санитарный инструктор Михаил Харитонов лежит в снегу, выжидает, когда можно будет поднять голову, чтобы осмотреться. Вокруг смешались земля и небо. Сознание уже перестало отмечать отдельные взрывы: они слились в один бесконечный, тяжелый гул, который безжалостно давит на барабанные перепонки. Кажется, они вот-вот лопнут.

Наконец гул стихает, и сквозь не рассеявшуюся завесу земли, снега и дыма инструктор угадывает бегущих людей. Он почти не видит их лиц. И все-таки уверен, что это бойцы его первой роты. Мимо него совсем близко короткими перебежками устремился вперед командир первого взвода лейтенант Говорков. Харитонов отрывается от земли и бежит вслед за лейтенантом. Вокруг снова свистят пули, с шипением плюхаются в снег мины... Харитонов улавливает еле слышимый стон раненого и бежит на голос.

---

*Стрелковой роты.

С этой минуты он теряет счет времени. Перестает ощущать самого себя. Нет Михаила Харитонов. Есть только одна нескончаемая забота: перевязать и вынести. Последнее не так-то просто даже для большого и сильного Харитонов. Снег глубокий и рыхлый. От лодочек пришлось отказаться сразу. А идти с живой ношей опасно.

Раненый пытается подняться навстречу санинструктору. Но сил слишком мало. Он падает обратно в снег. Губы что-то шепчут. Харитонов наклоняется к самым его губам.

— Что там, браток? — слышит он.

— Порядок, — как можно громче кричит Харитонов, хотя знает в эти минуты ничуть не больше, чем раненый. Впереди идет бой. Это он знает точно.

Перевязка закончена. Можно двигаться назад. Но едва поднявшись, он тут же падает рядом с раненым.

— Дзсс, дзсс... — свистят над головой пули.

Руки бездействуют. Работает мозг. Нужно что-то предпринять. Ползти, взвалив раненого на спину, тоже опасно.

Решение приходит неожиданное, никакими инструкциями не предусмотренное. Лежа в снегу, он снимает с себя ремень, привязывает раненого к своей ноге, затем поворачивает его так, чтобы при движении тот испытывал как можно меньше страданий, и начинает ползти.

— Дзсс, дзсс... — сопровождают пули.

Пятьсот метров кажутся бесконечными. Перевести дыхание удастся только тогда, когда подоспевшие санитары поднимают раненого на носилки. Теперь они пойдут в тыл, а ему — обратно в этот огненный ад...

В 1966 году в Вытегре Михаил Семенович Харитонов, тогда уже 69-летний ветеран, с удивлением говорил автору этих строк:

— Можете себе представить, когда после апрельских боев, в мае сорок второго года командир дивизии вручал

мне орден Красного Знамени, я сам себе не поверил: неужели это я вынес из огня восемьдесят человек.

* * *

Апрельские бои 272-я дивизия вела уже на другом участке фронта. А ее место заняла 368-я дивизия сибиряков. Об этом речь еще впереди. А в те декабрьские дни, несмотря на все героические усилия, дивизии не удалось ни на метр продвинуться вперед. Причин тому было немало: и плохо обученное пополнение, и сильно укрепленная в инженерном плане передовая шюцкоровцев, и тактические ошибки командиров полков. Но главная причина состояла в том, что у наступавших не было ни артиллерийской, ни авиационной поддержки, которая помогла бы хоть частично взломать переднюю линию обороны противника. Дивизия хоть и получила накануне операции три артиллерийские батареи, да что проку от нестреляющих пушек. Снарядов-то не было. Зато шюцкоровцы могли устраивать артналеты, длившиеся по несколько часов.

О том, насколько трудное положение со снарядами и минами было в армиях в ноябре-декабре, да и весной следующего года тоже, говорят воспоминания ветеранов и военачальников. К. А. Мерецков в своей книге «На службе народу» пишет: «Моя записная книжка свидетельствует, что запасы армии по боеприпасам позволяли нам расходовать ежедневно в среднем семь выстрелов на 120-миллиметровый миномет и 122-миллиметровую гаубицу и четырнадцать мин на 82-миллиметровый миномет»²⁷.

Если так катастрофически мало боеприпасов было в ноябре-декабре под Тихвином, где в те дни решалась судьба Ленинграда, а потому туда были стянуты все имевшиеся резервы, то что уж говорить о таких участках фронта, как Оптинская оборона. Здесь пушки и минометы практически бездействовали. Этим и объясняются те огромные человеческие жертвы, которые понесла дивизия.

Не лучше обстояло дело с боеприпасами и весной сорок второго года. Полковник в отставке, участник апрельских боев 1942 года в Оште Г. И. Чередниченко писал в 1994 году: «На период наступления выделялось, если мне не изменяет память, по 2—3 мины на расчет. Этим количество взвод мог поразить одну цель»²⁸.

Это потом, уже во второй половине сорок второго, когда на полную мощность заработает минный цех в Белоручейском леспромхозе Вытегорского района, защитники Ошты смогут отвечать на шюцкоровские артналеты таким же интенсивным огнем. А в апреле этих мин у сибиряков тоже не было.

368-я стрелковая дивизия была сформирована в Тюмени еще летом сорок первого и в ноябре прибыла в Вытегру. Но только 31 марта сорок второго последовал приказ: дивизии сосредоточиться в лесу, в 2-х километрах западнее Патракеевской, и в ночь со 2 на 3 апреля сменить части 272-й²⁹. 3-й батальон 1226 полка был оставлен в Вытегре для охраны побережья Онежского озера.

С этого времени дивизия выводилась из состава 58-й резервной армии и вливалась в 7-ю Отдельную.

Смена частей началась в 21.00 второго и полностью была завершена к 4.00 третьего апреля. Пронюхала ли что-то об этой операции вражеская разведка или таково стечение обстоятельств, только вечером первого апреля враг начал обстреливать Ошту фугасами. Возникли пожары. К их зареву шюцкоровцы периодически добавляли еще световые ракеты. В ночь на третье все повторилось с методической последовательностью. Но несмотря на это, смена частей прошла без потерь и каких-либо происшествий.

272-я дивизия передислоцировалась влево, на территорию Ленинградской области, где своим левым флангом сомкнулась со 114-й дивизией, а правым она стыковалась с 368-й. Так был закрыт, наконец, «коридор», который раз-

делял дивизии на границе Вологодской и Ленинградской областей.

Перед фронтом сибиряков стоял все тот же 9-й пехотный полк 7-й дивизии финнов, 15-й самокатный батальон, два гаубичных полка, большое количество минометов. Но особенность передовой противника состояла теперь не только в том, что она располагалась на господствующих возвышенностях, но и в том, что за зимние месяцы шюцкоровцы превратили свою передовую в мощную, глубоко эшелонированную инженерную систему укреплений, взломать которую можно было бы лишь многочасовой артиллерийской и авиационной обработкой. А поскольку снаряды и мины имелись у сибиряков в мизерном количестве, то поступивший 10 апреля приказ о наступлении был заведомо обречен на... неуспех. В отличие от наступательных операций октября и декабря, апрельская рассматривалась уже не как отвлекающая, сковывающая, а именно как наступательная.

Надо заметить, что после поражения под Тихвином в декабре сорок первого немецкое командование, наконец, распрощалось с идеей соединения с финнами. Во всяком случае записей на эту тему в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Гальдера мы больше не находим. Зато 18 декабря он делает весьма симптоматическую запись: «Изменение обстановки на фронте группы армий «Север» и ее влияние на финские войска»³⁰.

Такая запись — уже не первая. Как ни старался генерал-полковник в первые месяцы войны замалчивать негативную информацию, время от времени она все-таки просачивалась на страницы его дневника. Подобное произошло и 4 августа. Читаем: «В Финляндии разочарованы действиями немецких войск на севере и в составе Карельской армии». Тогда это разочарование было вызвано тем, что группа этих армий, остановленная нашими частями на

лужской линии обороны, никак не могла возобновить наступление на Ленинград.

Теперь все было значительно сложнее. Правда, у немецкого генерала не хватило духу прокомментировать свою запись, поскольку тогда ему пришлось бы признать, что положение фашистских войск после поражения в Тихвине резко ухудшилось, а это в свою очередь крайне отрицательно сказалось на моральном состоянии войск северного союзника Германии. Это было естественной реакцией на невыполненные обещания. Втягивая своих сателлитов в войну, Гитлер обещал им молниеносную кампанию, а в качестве вознаграждения за соучастие в ней — вожаденные лакомые куски — огромные территории поверженного СССР. Но к исходу сорок первого уже было совершенно очевидно, что план «блицкрига» провалился, что война приобретает затяжной характер и победа над Россией весьма проблематична.

Если в первые месяцы войны пленные шюцкоровцы на допросах вели себя вызывающе, все твердили о великой Финляндии, то к началу 1942 года спеси у них заметно убавилось. На их моральном состоянии сказывались не только провалы немецких планов, но и та информация, которую получали они из дому от родных. Мать Виктора Купки, убитого разведчиками 272-й дивизии 17 января 1942 года, писала сыну на фронт: «Очень жаль, что тебе не дали отпуска и ты не смог быть на похоронах брата. В тот день в Сальми хоронили много других солдат. На похоронах было много народу и даже пастор. Если Сойтера не возьмут в армию и скоро будет мир, тогда мы кое-как будем жить»³¹.

Наступательный пыл у финских солдат к апрелю срок второго уже так угасал, что потребовались специальные письма-агитки, которые присылали на фронт те, кто поддерживал завоевательскую политику финского правительства. «Дорогой неизвестный солдат! — говорилось в

одной из таких агиток. — Ты должен привыкать к трудностям и невзгодам на войне, так как ты борешься за Великую Финляндию»³².

Однако, несмотря на унававшийся моральный дух своих солдат, барон Маннергейм не собирался отдавать завоеванную территорию. Потому так тщательно укрепляли они свои позиции. А приказ, который 10 апреля получили дивизии 7-й Отдельной армии, требовал отбросить противника за Свирь, закрепиться там и создать плацдарм для будущих наступлений³³.

Одиннадцатого апреля вся многокилометровая передовая армии пришла в движение. На Оштинском рубеже после 15-минутной артподготовки поднялись в атаку полки.

* * *

...Когда шюцкоровцы уплотнили свой огонь настолько, что бойцы вынуждены были залечь, в расположении пятой роты появился лейтенант из штаба батальона. Фамилии его никто не помнил, но узнали его сразу. Это был тот самый лейтенант, который совсем недавно выступал с полковой самодеятельностью. По просьбе бойцов он тогда повторял на бис песни про матроса Железняка и синий платочек. Только тогда лейтенант улыбался, а сейчас губы его были так плотно сжаты, что казалось, челюсти не выдержат напряжения.

Осмотревшись, лейтенант понял, как трудно поднять людей в атаку. Он выбрал момент, когда несколько утих огонь противника, поднялся над окопчиком во весь рост и, громко зашеп «Синенький скромный платочек...», рванулся вперед, навстречу пулям.

Услышав любимую песню, бойцы поднялись и бросились в атаку за лейтенантом. Они видели, как он покачнулся, но за грохотом боя не могли слышать, как оборвалась песня. Рота наступала...

Такова легенда. Она родилась в полку вскоре после этого боя. Она жила среди однополчан и многие годы после войны. Автору этих строк довелось ее слышать несколько раз от разных людей.

Что же легло в основу этой легенды? Как в действительности развивались события в тот день?

...Первый залп грянул ровно в семь. Батарея 1224-го полка была по высоте 113,8.

Начало атаки было стремительным. По лесу многоголосым эхом прокатилось «Ура!». Но и шюцкоровцы быстро оправились после непродолжительного артналета и открыли ответный огонь. По наступавшим били не только полковые пушки и минометы, но и дальнобойная крупнокалиберная артиллерия. Не прорвавшись сквозь сплошную стену огня, бойцы вынуждены были залечь. Наступление утратило свой первоначальный темп.

Комбата-2, старшего лейтенанта Лисова беспокоило положение в пятой роте, с которой уже в первые минуты боя оборвалась связь. Он собрался было туда сам, но в этот момент его потребовал к телефону командир полка.

— Юрченко, — позвал комбат адъютанта, стараясь перекричать грохот разрывов. — Доберись до пятой, посмотри, что там у них.

Лейтенант перебрался через бруствер и, пригибаясь, побежал к лесу. Наблюдавшие за ним с КП заметили, как он упал. Их глаза впились в едва заметный в снегу бугорок. Вот он зашевелился, пополз.

— Жив, — выдохнул комбат.

Миновав открытую местность, лейтенант добрался до редколесья. Здесь можно было действовать короткими перебежками. Совсем рядом гулко шлепнулась в снег и зловеще зашипела мина. Юрченко инстинктивно пригнулся, а в следующую секунду отпрыгнул в сторону, упал и притаился, ожидая взрыва. Но мина не разорвалась. Подождав еще немного, он снова пополз. Наткнулся на мер-

твого бойца. Это был первый убитый, которого он видел. Остановился и несколько мгновений пристально всматривался в лицо погибшего.

Последние оставшиеся до расположения пятой роты метры он пробежал, уже не опасаясь вражеских пуль.

Бойцы лежали, зарывшись в глубокий снег.

— Какой взвод? — спросил лейтенант.

— Второй, — последовал ответ.

— Где взводный?

Молчание.

— Воронов где? — закричал Юрченко, взбешенный этой тупой безразличностью отвечавшего ему солдата.

— Убит, — хмуро отозвался тот.

— Миша?.. Как же это?.. — горячей болью отозвались в сердце слова бойца.

— Да он, гад, не дает нам головы поднять, — продолжал боец. — Уже два раза в самое пекло лезли, а продвинулись метров на триста, не больше. А таких людей потеряли. Политрук ранен.

— Кто слева?

— Третий взвод.

Юрченко пополз туда. И там его ждало такое же сообщение: взводный убит, много раненых.

Он всматривался в лица людей и думал над тем, как стряхнуть в них это оцепенение? Как поднять их?

Уловив момент, когда смерчь огня немного утих, лейтенант поднялся и, крикнув: «За мной!» — сделал несколько шагов вперед. Оглянулся. Бойцы лежали в снегу. Тогда он выпрямился и, собрав все силы, крикнул: «За Родину! Ура-а!»

На какое-то мгновение его голос заглушил грохот разрывов. Его услышали бойцы. Они поднялись в тот самый момент, когда лейтенант качнулся и тяжело осел в снег. Последний взгляд его скользнул по верхушкам елей...

Так в первый день апрельского наступления погиб адъютант 2-го батальона 1224-го полка, лейтенант Иван Федорович Юрченко.

* * *

Десять дней длились эти изматывающие, кровопролитные бои, которые не принесли ожидаемого результата. Дивизия в этих боях потеряла 466 человек убитыми и 1614 человек ранеными³⁴. Каковы были потери финских войск, сказать трудно, зато доподлинно известно, что 18 апреля финский генерал Талвела торжественно вручил генерал-полковнику Гальдеру финский Крест свободы 1-го класса с «Дубовыми листьями и мечами»³⁵. За что столь высокая награда, начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта умалчивает. Надо полагать, за то, что штаб не требовал больше от своего северного союзника активизации военных действий и соединения с немцами.

К 20 апреля наступательные бои на всем фронте Оштинской обороны прекратились. С этого дня и до 21 июня 1944 года здесь велась так называемая «позиционная война». Противники регулярно обменивались артиллерийскими налетами, с обеих сторон активно действовали снайперы, проводили свои вылазки разведчики, саперы продолжали начинать землю смертоносным металлом. Но было осенью 1942 года здесь одно событие, которое никак не вписывается в общепринятые понятия о военных операциях. Это была уборка урожая на передовой линии нашей обороны.

Каким образом в непосредственной близости от окопов оказались поля с поспевающей рожью, гадать не надо. Озимый сев в северных краях начинается примерно с середины августа. В сорок первом это было еще время, когда Ошта считалась относительным тылом. И крестьяне успели засеять озимый клин. Самые трудные бои проходили здесь в декабре и апреле, тяжелой техники у дивизий на этом участке не было, солдатские ботинки не могли

так уж сильно повредить посевы, укрытые глубоким снегом. Вот и выросла, вымахала рожь-матушка, прибавила забот не только селянам, но и военным.

Кому же пришла эта идея — убрать хлеб под самым носом у врага?

В отчете Општинского райкома партии об уборке урожая осенью сорок второго говорится: «Советовались с командованием (имеется в виду 368-й дивизии. — Т. С.). Разрешили допустить проверенных людей для уборки в прифронтовой полосе. Создали фронтовые бригады... Перед людьми была поставлена задача при любых трудностях убрать урожай до последнего колоска»³⁶.

Инструктор райкома партии А. Н. Павшукова, бригадир одной из таких фронтовых бригад, попыталась написать свой отчет о выполненной работе в форме дневника.

«В первый день все вместе вязали снопы (рожь, скошенная военными у деревни Копово)... Вечером бригаду разбили на три звена...».

В том же отчете райкома, что цитировался выше, указывается, что третье звено, выделившееся из бригады Павшуковой, состоявшее из юношей-призывников, занималось отвозкой и скирдованием снопов.

«6 сентября. Начали жать в Осиповском поле. Расстояние от передовой — 500-600 метров. Девушки моей бригады впервые взяли в руки серпы. Работали без отрыва до 8 часов вечера... Выполнили норму, несмотря на то, что только учились жать...»

Как она учила их жать под обстрелом финских пушек и минометов, осталось между строк. А вот то, что было страшно, бригадир и не пытается скрывать. Каждой девушке казалось, что снаряды «летят прямо на них».

«7 сентября. До трех часов работали без отрыва... После обеда финны стали бить по нам из орудий... После обстрела снова стали жать... Дневную норму опять выполнили на 100%».

«8 числа уже работали от передовой метрах в 250—300. Из-за сильного артогня два раза пришлось отрываться от работы. Несмотря на это, норму выполнили на 130%».

И так изо дня в день. «Последнее поле, ниже Осиновского, дожали пять человек под огнем, но не покинули работу. Это было 13 сентября. В этот день была особенно сильная перестрелка с обеих сторон через наше поле. Вся бригада работала не покладая рук. И как результат — на 13 сентября вместе с военными и колхозниками убрали 76 гектаров».

Так выветилась еще одна особенность Оштинской обороны.

В следующем, 1943 году, естественно, никакой уборки урожая или других сельхозработ в полосе обороны не проводилось. А утром 21 июня 1944 года в полосе 7-й армии Карельского фронта (бывшей 7-й Отдельной) началось наступление. В ночь на 21 финские подразделения, стоявшие на Оштинском рубеже, получили приказ об отступлении. Они отходили с такой скоростью, что 368-я дивизия настигла их только у Свири.

Так закончилась продолжавшаяся почти 990 дней Оштинская оборона. Война здесь напоминала о себе еще многие годы спустя, но это уже тема других исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Развивая свои пангерманские идеи, Гитлер еще 5 ноября 1937 года в узком кругу единомышленников заявил: «Речь идет о приобретении не людей, а пространства, пригодного для сельского хозяйства» / Коваль В. С. «Барбаросса». Киев: Наукова думка. 1989. С. 549.

²«Господствовать может только один, — излагал свою завоевательскую теорию Гитлер в беседе с нацистским президентом Данцигского сената Г. Раушнинггом. — Чтобы этим одним стали мы, мы должны победить Россию». / Rauschning H. *Yesprache mit Hitler*. Zurich; New York. 1940. S. 112.

³Hubatsch W. *Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939—1945*. Frankfurt a/M. 1962. S. 85.

⁴Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М.: Воениздат. 1969. С. 80—81.

⁵История Второй мировой войны. Т. 3. М.: Воениздат. 1974. С. 242.

⁶Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3. Кн. 1. 1971. С. 79.

⁷История Второй мировой войны. Т. 4. С. 43.

⁸Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 111.

⁹Гудериан Г. Опыт войны с Россией / Сб. Итоги Второй мировой войны. Пер. с нем. М.: Изд-во иностранной литературы. 1957. С. 118—119.

¹⁰Мерецков К. А. На службе народу. М.: ИПЛ. 1988. С. 217.

¹¹Об этих боях немецкий генерал К. Типпельскирх вспоминал уже после войны: «...Немецкое командование обратилось к финнам с настоятельной просьбой оказать в районе реки Свирь как можно более сильное давление на русские войска, чтобы облегчить положение корпуса, ведущего ожесточенные бои в районе южнее Ладожского озера. Но финская армия, северный фланг которой под Петрозаводском сам должен был сдерживать сильный натиск противника, была не в состоянии это сделать». / См. Типпельскирх К. *История Второй мировой войны*. Пер. с нем. М. 1956. С. 197.

¹²Мерецков К. А. Указ. соч. С. 215.

¹³Архив Министерства обороны (В дальнейшем — АМО). Ф. 272, он. 28366с, д. 1, лл. 10—17.

¹⁴АМО. Ф. 272, оп. 28366с, д. 1, л, 21.

- ¹⁵АМО. Ф. 272, оп. 31816с, д. 1, л. 1.
- ¹⁶АМО. Ф. 272, оп. 28366с, д. 1, л. 14.
- ¹⁷Там же, Л. 37.
- ¹⁸АМО. Ф. 272, оп. 5372, д. 85, л. 108.
- ¹⁹Мерецков К. А. Указ. соч. С. 221.
- ²⁰Из воспоминаний ветеранов дивизии.
- ²¹АМО. Ф. 272, оп. 31816с, д. 1, л. 30.
- ²²Из воспоминаний санинструктора 1065 сп 272-й дивизии Михаила Харитоновна.
- ²³Гальдер Ф. Указ. Соч. Т. 3. Кн. 2. С. 98.
- ²⁴АМО. Ф. 272, оп. 31816с, д. 1, л. 51.
- ²⁵АМО. Ф. 272, оп. 28366с, д. 1, л. 130.
- ²⁶АМО. Ф. 4ск, оп. 7985, д. 279, л. 264.
- ²⁷Мерецков К. А. Указ. соч. С. 232.
- ²⁸Письма из личного архива автора.
- ²⁹АМО. Ф. 386, оп. 726595, д. 1, л. 6.
- ³⁰Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 132.
- ³¹АМО. Ф. 272, оп. 30589, д. 1, л. 10.
- ³²Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 725, оп. 2, д. 158, л. 10.
- ³³АМО. Ф. 4ск, оп. 7985, д. 5, лл. 3–25.
- ³⁴АМО. Ф. 368, оп. 726595, д. 1, л. 15.
- ³⁵Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 231.
- ³⁶Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 725, оп. 2, д. 158, л. 23.